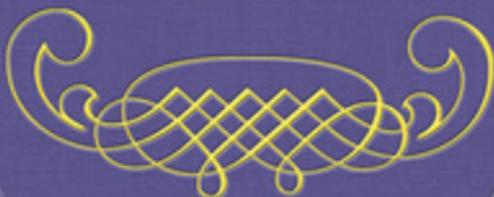

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Детство Гл. И. Успенского

«Было бы крайней несправедливостью, сообщая хотя бы и летучие сведения о русских писателях, не упомянуть о таком крупном и выдающемся литературном деятеле, как Глеб Иванович Успенский, тем более что за отсутствием разного рода корифеев он и гр. Толстой украшают своими сильными фигурами опустевший Парнас, к вершине которого, как известно, ведет „дорога негладкая“...»

**Николай Васильевич
Успенский
Детство Гл. И. Успенского**

Было бы крайней несправедливостью, сообщая хотя бы и летучие сведения о русских писателях, не упомянуть о таком крупном и выдающемся литературном деятеле, как Глеб Иванович Успенский, тем более что за отсутствием разного рода корифеев он и гр. Толстой украшают своими сильными фигурами опустевший Парнас, к вершине которого, как известно, ведет «дорога негладкая»... К сожалению, оба названных писателя, по-видимому, находятся не совсем в дружелюбных отношениях между собой.

Между воззрениями Гл. Успенского и гр. Толстого заключается целая бездна, и в литературной деятельности того и другого усматривается самый напряженный антагонизм, производящий удручающее впечатление на читающую публику.

Я знал Глеба Ивановича с самого раннего его возраста благодаря тому простому обстоятельству, что привожусь ему двоюродным братом. Я был смиренный бурсак, воспитывавшийся «на медные деньги» и содержащийся «в черном теле», а он проходил гимназический курс и пользовался всеми земными

благами от трапезы «богатого Лазаря» – своего отца, который занимал должность секретаря в палате государственных имуществ и имел возможность не только жить на барскую ногу, но и благодетельствовать своим «присным» (а их был целый легион), выдавая замуж какую-нибудь родственницу за сельского учителя, дьякона или «палатского» чиновника, снабжая советами и деньгами сомнительного вида «погоревшего» пономаря, который являлся к нему в качестве земляка, односельца или товарища по семинарии, из которой он, якобы по недостатку средств, возвратился вспять... На дворе Ивана Яковлевича (отца Глеба Ивановича) ежедневно толпилась масса народу, в которой можно было встретить и цыгана, продающего лошадь, и сельского голову, увешанного медалями и державшего в руках обширную лохань с живыми карпиями и баснословной величины налимами, равно как и целое полчище дьячих, пономарей, семинаристов и даже спившихся с круга профессоров семинарии, преподавателей «герменевтики и обличительного богословия», неверными шагами пробирав-

шихся сквозь толпу народа в прелестный сад с клумбами цветов, беседкой, на куполе которой, эффектно оттеняемом голубым фоном, мерцали яркие звезды, и, наконец, скромно уютившейся у забора баней, где обыкновенно находили себе безмятежный покой все полупьяные родственники Ивана Яковлевича, не исключая лиц «сладкой породы», в образе какого-нибудь геркулесовского телосложения протодьякона, напоминавшего своей ужасающей персоной мифического Полифема, который некогда хотел с аппетитом поужинать Одиссеем и его спутниками.

Преобладающий состав контингента посетителей отца Глеба Ивановича составляли крестьяне-одnodворцы, стоявшие на очереди «отбывания воинской повинности» и сторавшие непреодолимым желанием, чтобы им «выстригли затылок», а не лоб, причем каждый из них запасался известным приношением. Почти все они сплошной массой толпились в длинном и просторном коридоре, который представлял из себя подобие вокзала железной дороги...

При такой обстановке провел свое детство

и отрочество наш талантливый современный писатель Глеб Иванович Успенский. Нельзя сказать, чтобы эта обстановка не благоприятствовала развитию его творческих сил. С юного возраста он был уже знаком с типом какого-нибудь сельского головы или старосты, с сельским духовенством и печально доживающим свой век мужичком, по милости забри-того лба его кормильца-сына...

Считаю нелишним заметить, что мой отец весьма ловко пользовался влиянием своего брата на судьбу однодворцев: расхаживая по приходу, он положительно терроризировал целые деревни, оповещая всех и каждого, что ему стоит только написать две строки *брату*, чтобы низвергнуть чуть не в область Аида любую крестьянскую семью...

А между тем даровитый и впечатлительный мальчик (будущий знаменитый русский писатель) жадно всматривался в ужасающую действительность и с напряженным вниманием вслушивался в рассказы о народном быте...

Мое отрочество и детство Глеба Ивановича Успенского представляли собой два радиуса,

центром которых служил нам общий дедушка, пономарь Чернского уезда, имевший счастье принимать в своей скромной хижине И.С. Тургенева. Направление упомянутых радиусов выразалось в том, что я, несмотря ни на какие метеорологические пертурбации, совершал путешествие в семинарию пешком, а юный Глеб Иванович ездил в гимназию на щегольской пролетке и прилежно учился, ежедневно отдавая строгий отчет в своих успехах родителю; я всячески старался уклониться от слушания лекций семинарских профессоров и возвращался из рассадника благочестия в свою квартиру, встречаемый известием кухарки, что руководители моего умственного и нравственного развития все без исключения разошлись по трактирам. Глеб Иванович как ученик был образцом трудолюбия и прилежания, а мое имя было синонимом упорной лености, не поддающейся никаким мерам, в числе которых первенствующее место занимала экзекуция.

Как городской житель и сын делопроизводителя палаты государственных имуществ Глеб Иванович должен был *volens-nolens*[1]

ежедневно выслушивать беседы «палатских» чиновников о повышении, понижении, награждении, перемещении, о годовых отчетах и прибавке жалованья, о забритых лбах и затылках, не имея ни малейшей возможности составить себе хотя бы приблизительное понятие о том, какой эффект производят эти «забритые лбы и затылки» в действительной жизни и какими потрясающими душу сценами они сопровождаются при своем появлении в крестьянских избах. Он не знал, например, что «забритый лоб» наполнял целые тыщи крестьянских изб плачущими бабами и с горя пьянствующими мужиками, а «выбритый затылок» служил законным мотивом к бесшабашному разгулу и веселью.

Юный Глеб Иванович, прогуливаясь в летнее время в кремлевском саду и слушая тошнотворную духовную музыку, представить себе не мог, что в жизни обретаются другие, ни с чем не сравнимые радости, которыми дарит человека наша мать-природа... Он никак бы не поверил, если бы ему сказали, что деревенский мальчик, едущий летним вечером с поля вместе со своим отцом и держащий в ру-

ках охапку молодого гороха, не в пример счастливее маленького гимназиста, присматривающегося к разряженным кухаркам, горничным и разным «барышням» сомнительного поведения, своими фигурами вконец отравляющим прогулку свежего человека в кремлевском саду...

Примечания

волей-неволей (*лат.*)

[^^^]